

Якутск. Отец его А. Г. Шмидт также обращается из г. Харькова к новой власти области об освобождении своего сына, безвинной жертвы самодержавной России, но новая демократическая власть не спешит освободить бывшего узника царизма, а наоборот берет под зоркий надзор своей милиции. Не дает даже разрешения на перемене места жительства внутри области. 25 ноября 1917 г. Шмидт обращается к Якутскому областному комиссару с прошением об увеличении размера, выдаваемой казной пособия, где пишет: «Жизнь с каждым днем становится все дороже и дороже. Никакой должности или заработка нет, отец мой, живущий только на жалование, не в силах поддерживать меня деньгами, а пятнадцатью рублями в месяц прожить нельзя, требуется втрое больше. При старом строе и слов терять не стоило: деспотизм, да и только. А теперь равноправие, неприкосновенность личности, нет насилия. А лишить человека, бог знает за что, должности, приковать к одному месту, осудить к голодной смерти, без всяких доказанных причин – это не насилие, это равноправие? Лучше тогда на месте застрелить или повесить – греха меньше!» [7]. 5 декабря 1917 г. областной комиссар В. Н. Соловьев дает предписание Вилюйскому окружному комиссару о предоставлении сведений о Шмидте. Во исполнение данного предписания 16 декабря того же года заместитель Вилюйского уездного комиссара П. В. Осипов сообщает: «А. А. Шмидт занимается репетиторством, за что получает лишь 18 рублей (плюс к этому 15 р. всего 33 руб.). Образ жизни: живет замкнуто». В 1918 г. его все-таки перевели на жительство в г. Якутск, теперь его, как германского подданного, ранее высланного по подозрению в военном шпионаже, взяли под гласный надзор милиции. В апреле 1919 г. хотели призвать на военную службу в колчаковскую армию, но на призывном пункте Шмидт заявил о том, что «он был выслан из г. Риги, распоряжением Командующего войсками, как подозреваемый шпионаже» [9]. Местные военные навели справки о нем, но затем оставили его покое, все-таки побоялись призвать на действующую армию даже против большевиков «человека подозреваемого в военном шпионаже в пользу германской армии». После 1919 г. сведения о Шмидте в документах Национального архива не встречается. Неизвестна и его дальнейшая судьба

1. *Игнатьева В. Б.* Национальный состав населения Якутии. – Якутск, 1994. – С. 20.
2. *Энциклопедический словарь «История Отечества».* – М., 1999. – 69.
3. *Энциклопедический словарь...* С. 70-71.
4. *НА РС (Я).* Ф.12-и. Оп.14.Д.138. 1-21 об.
5. Там же. Л. 7 об.; Ф.12-и. Оп.21.Д.229.Л.12 «а».
6. Там же. Л. 6.
7. Там же. Л. 16.
8. Там же. Л. 17. 17 об.
9. Там же. Л. 20, 20 об., 21.

Ярков А. П.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЖИЗНИ ЕВРОПЕЙЦЕВ В СИБИРИ В ЭПОХУ СТЕЛЛЕРА

Первая половина XVIII в. – время кардинальной смены парадигмы развития российского общества под влиянием идей, шедших из Европы, ставшей играть моделирующую роль в развитии человечества. Время и обстоятельства вызвали к жизни «интеллектуальную миграцию», когда на запад направились «птенцы гнезда Петрова» за научными знаниями о законах развития общества, науки, природы, а на восток – ученые – за «опытом выживания» вопреки тем законам. Это, по сути, оставалось уделом немногих, стремившихся расширить границы познаваемого мира, использовать накопленные (и часто не востребованные на родине) знания. Представления многих уроженцев Западной Европы о населении исходили из понятий *цивилизованная и дикая*, а Г. Ф. Миллер к наиболее цивилизованному относил тех из коренных сибиряков, кто находился в орбите мусульманской и буддийской культур [1]. В тот период на Урале и в Сибири наряду с прежними формами колонизации: промысловой, аграрной, появилась старопромышленная, в т. ч. и горнозаводская, а в «строящихся с начала XVIII века городах-заводах можно отчетливо

проследить рационализацию и секуляризацию их культурного ландшафта, стремление подчинить силы природы практическим задачам производства» [2]. Это требовало соответствующего кадрового обеспечения, и мигранты из Западной Европы: ученые, врачи, инженеры, военные, мастеровые тот «прорыв» обеспечили, концентрируясь в уральских и сибирских городах.

Если исходить из европейского понимания, то для Нового времени характерен качественный переход в научном и философском мышлении: от теократической картины мира к антропоцентризму, где культурные феномены, составляющие содержание этого процесса (секуляризация и рационализация) охватывали если не все, то многие аспекты человеческого бытия. Н. Ю. Балوشина предложила 4 типа российских ученых рубежа XVII – XVIII вв.: «латинский ученый», «греческий ученый», «государственник», «просвещенный аристократ» [3]. К ним, полагаем, можно отнести и часть элиты в Западной Сибири, хотя Новое время в крае имело другую форму, облик его носителей. В определенной степени, заметим, к ней можно причислить и некоторых сибирских митрополитов (Филофей Лещинский, Иоанн Максимович и др.) – носителей православной учености, которые стали прямыми исполнителями воли правителей, все же пытавшихся осмыслить окружающий мир в иной парадигме.

С 1710-х гг. начинается новый этап в истории региона, хотя и прошедший под знаком зависимости от постоянно менявшейся политики властей Российской империи, но, одновременно, и усилившегося притяжения к общероссийской цивилизации. Именно это пространство стало коммуникационным полем, где встретились культуры, принадлежащие к европейскому и азиатскому миру. «Поле столкновения» этих миров было многослойным: в российской модели общественных отношений в то время господствовала идея верховенства государства над личностью; в западных цивилизационных ценностях – приоритет личности над обществом; в азиатском пространстве – абсолютно коллективистское начало (род, семья, племя). Петр I «не питал к Европе слепого и нежного пристрастия, напротив, относился к ней с трезвым недоверием» [4], но именно благодаря царю еще в 1700 г. вышел Указ, направленный на «европеизацию и русификацию Сибири» через массовую христианизацию.

Синергетические закономерности проявлялись в сфере культурного процесса, поскольку в многообразии форм и особенностей – в контексте формирования «ответственного» человека – там выстраивалась генерализирующая идея – потребность в образованных людях, получивших возможность карьерного роста и предпринимательства. В крае принимались меры по подготовке собственных кадров «эры Просвещения»: в 1701 г. Петр I приказал в Тобольске «непреренно школу открыть»; в 1703 г. была создана архиерейская школа, в 1711 г. для детей военнопленных и тоболяков организовал школу капитан К.В. фон Врех (обучение шло по методике профессора Г. А. Франке из немецкого г. Галле); в 1716 г. в Сибирь откомандировали учеников Московской навигационной школы для создания здесь гарнизонной, в которой обучались дети служилых людей из Туринска, Пельма, Сургута, Березова, Кетска, Красноярска и Кузнецка, а в 1732 г. аналогичные школы для обучения казачьих и солдатских детей были открыты в Томске, Красноярске, Якутске и др. В 1751 г. при Барнаульском госпитале создали первую в регионе медицинскую школу.

Требование уважать чужую религиозную традицию и ритуальную практику, очевидно, есть общепринятая норма поведения и может быть признано правильной (хотя вряд ли с такой жесткой мерой наказания за проступок), если не принимать во внимание, что ничего похожего не предусматривалось ни за поношение мусульманской веры, ни за оскорбление служителей исламского культа, хотя очевидно – это присутствовало, также как и притеснения по вере, ограничения в строительстве и внешнем виде культовых построек. Для данного периода не только в российских документах характерно смешение конфессиональной и этнической принадлежности, где существовали обезличенные понятия – «немец», «басурманы». Так, русская поговорка XVIII – XIX вв. говорила о посещавших Европу: «Наши бары за морем бусурманятыся, а домой воротятся, свое и не любо» [5]. Не меньше проблем в понимании этноконфессиональной специфики было у западноевропейцев, попавших в Сибирь. В записках У. Хорда любопытно наблюдение: «Вокруг той горы расположены избушки татар-вогулов, которые похожи на калмыков с маленькими глазками, плоским носом и широким лицом. Эта нация имеет жалкие дома на татарский манер и исповедует их религию», хотя дальнейшее описание их «бога, который живет в лесах и на их языке называется шайтан», [6] свидетельствующее о явной путанице.

В российских документах чаще указывалась религия индивида и реже – место его прежнего жительства, национальность же не упоминалась совсем. Под такими этнонимами, как «поляк», «швед», «немчин», «бухаретин» и др. понималось, прежде всего, подданство человека, хотя впоследствии (при

интерпретации архивных материалов) данное указание позволяет делать выводы об этнической принадлежности» [7]. И заметим, они не всегда совпадали с реальностью: под несколькими тысячами «шведов» – бывших воинов Карла XII [8], «застрявших» в Западной Сибири на десять с лишним лет, могли пониматься также финны, немцы, эстонцы, латыши, литовцы, ингерманландцы, французы, поляки, немцы, евреи и даже шведские цыгане [9]. К тому же известно, что стросвые части армии Карла XII (24 300 чел.) сопровождала огромная группа нестроевых: 2 250 раненых, больных и инвалидов; 300 нестроевых артиллеристов; 1 100 чиновников военной канцелярии; 4 000 конюхов, денщиков, возниц, работников. И особо специфическая – 1 700 женщин и детей, поскольку в привычку офицеров (и даже некоторых рядовых) шведской армии вошло желание брать собой в походы семью, прислугу и даже меблировку [10]. По идее, оказавшись в плену, семейным легче было перенести невзгоды, но для большинства жизнь на чужбине – тяжелое физическое и моральное испытание: «Сибирь была ужасною землей для иностранцев. Она была далека от цивилизации со своими варварскими народами» [11]. Давили и обстоятельства – немногие из каролинов оказались востребованы, т. к. рядовые исполняли тяжелые работы и владели нищенскую жизнь, а власти отбирали для использования в городах офицеров, младший командный состав, медиков, инженеров, саперов и артиллеристов. Именно эта часть пленников не бедствовала, и вместе с другими иностранцами (также сконцентрированными в нескольких городах: служащими, ссыльными) воплощала, сама того часто и не подозревая, идеи Нового времени. Они кардинально отличались от «человека Средневековья» представлениями о мире и причинно-следственных связях, да и просто грамотностью. Очевидно, что эта часть бывших воинов Карла XII духовно обогатила Сибирь и скрасила жизнь соплеменников в плену [12]. Оставаясь представителями все-таки собственной элитарной культуры (с ее рационализмом мышления) и, одновременно, носителями вновь освоенной речевой лексики, присущей высшим слоям сибирского общества, с которыми они, преимущественно, общались. Показательно, что некоторые иностранцы подписывались в документах по просьбе русских сибиряков [13], поскольку были грамотны и более просвещены в правовых вопросах. Другой вопрос: соответствовали ли их знания европейских кодексов установкам Уложения права 1649 г., которым еще руководствовались в России? Немаловажно и понимание ситуации: в Сибири они – иноверцы, не отличимые для православных россиян от *бусурман*, или *свои*, составляющие цивилизационно-культурную целостность? На основании фактов констатируем – они были *чужими* для массы, независимо от вероисповедания и социального статуса, а элита каролинов была *своей* для небольшого круга сибирских «питомцев гнезда Петрова» и просвещенных мусульман.

Каролины в большинстве своем не желали, да и не имели условий для межконфессиональных связей, и тем более диспутов, но иногда вынужденно вступали в конфликты [14]. Лишь некоторые выстраивали взаимовыгодный *диалог* с местными жителями и потому, не будучи учеными, записали немало интересных наблюдений из жизни сибиряков, невольно приобщаясь к научным методам сбора информации, участвуя в работе экспедиций, в т. ч. Великий Северный, отправившейся в Сибирь по указанию Петра I. В экспедиции Д. Г. Мессершмидта, например, принял участие офицер, уроженец Померании Ф. И. фон Страленберг (Таберт), который еще до экспедиции собрал значительный сибиреведческий материал [15]. Он же приобрел в 1720-х гг. у «ахуна Тобольска Азбакевича» рукопись Абу-л-Гази Бахадур-хана «Шаджара-и турки» [16] и организовал ее перевод на русский язык. Если рассмотреть данное событие с позиции диалога культур, то оно отражает тот уровень контактов, когда обращение к наследию помогает преодолеть идейное противостояние христианского и мусульманского миров. Насколько возможно в тех внешних условиях и личных обстоятельствах, Страленберг заметил: «Коренные народы – естественные, искренние и благочестивые люди, которые мало знают о ложных клятвах, воровстве, блуде, чревоугодии, обмане и тому подобных пороках» [17], а И. Е. Фишер объективно описал обряд крещения при Филофее [18].

Как заметила Л. И. Сазонова: «XVII в. ознаменовался в России сменой культурных ориентаций с греко-славянского Востока на латинский Запад», принеся в литературу ориентальную тематику» [19], но это имело лишь косвенное отношение к смене ценностных ориентаций образованной части российского общества. Все же замечалось: «по обитанию зовутся русские, и чтоб одно за другое смешано не было, как-то: некоторые о том неправильно показывают, якобы татару нас правоверными зовут». В XVIII в. процесс ассимиляции местного населения с участием переселенцев из Европейской части России вообще казался неизбежным [20].

1. *Элерт А. Х.* Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. – Новосибирск, 1999. – С. 93.
2. *Федоров Р. Ю.* Освоение регионов Урала и Западной Сибири как социокультурный процесс: структура, коммуникации, ценности: дисс. ... к. философ. н. – Тюмень, 2009. – С. 3, 79.
3. *Балошина Н. Ю.* Российские ученые на рубеже XVII – XVIII вв.: образы и мифы // Человек в экстремальных условиях: историко-психологические исследования: материалы XVIII междунар. науч.-практ. конф. – Ч. 1. – СПб., 2005. – С. 25.
4. *Ключевский В. О.* Соч.: [в 9 т.]. – Т. 4. – М., 1989. – С. 133.
5. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т.]. – Т. 1. – М., 1991. – С. 53.
6. *Шебадина Г. В.* Сибирские мемуары каролинов: о своих и о чужих // Полтава: судьбы пленных и взаимодействие культур. – М., 2009. – С. 54.
7. *Клюева В. П.* Православие и ислам в Западной Сибири (конец XVII – середина XVIII в.: проблема взаимодействия // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2004. – Вып. 5. – С. 131.
8. Согласно инструкции Сибирского приказа с 1711 г. пленные каролины размещались в Тюмени – 1 000, Туринске – 200, Тобольске – 3 000, Таре – 500, Березове – 200, Томске – 1 000, Мангазее – 100, Кузнецке – 500 чел. – см.: *Шебадина Г. В.* Шведские военнопленные в Сибири в первой четверти XVIII в. – М., 2005. – С. 42.
9. «В Швеции было трудно встретить в XVII – XVIII вв. цыгана, который не был бы солдатом хоть несколько лет». – см.: *Деметр Н., Бессонов Н., Кутенков В.* История цыган. Новый взгляд. – Воронеж, 2001. – С. 33.
10. *Энглунд П.* Полтава: рассказ о гибели одной армии / пер. со швед. С. Белокриницкой, Т. Доброницкой / прим. В. Артамонова. – М., 2009. – С. 59.
11. цит. по: *Aberg A.* Karolinerna och Osterlandet: Karl XII:s krigare i rysk fangeskap och pa upptactsfarder i Orienten och Sibirien. – Stockholm, 1967. – S. 31.
12. Есть европейский «след» и в рождении сибирского театра, когда не только воспитанники митрополита Филофея, но и каролины были инициаторами постановки музыкальных и театральных действ, расширяя через художественные образы представление сибиряков об окружающем мире. Очевидно, что это происходило в протестантской интерпретации, нацеленной на активное освоение мира, а не только на его «чувствование».
13. *Курилов В. Н., Люцидарская А. А.* К вопросу об исторической психологии межэтнических контактов в Сибири XVII в. // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов: сб. науч. тр. – Новосибирск, 1986. – С. 30.
14. Это могло грозить более тяжелым наказанием. – см.: *Aberg A.* Karolinerna och Osterlandet: Karl XII:s krigare i rysk fangeskap och pa upptactsfarder i Orienten och Sibirien. – Stockholm, 1967. – S. 31.
15. В 1719 г. составил «Карту путешествия от Москвы до главного города Сибири Тобольска и всего того, что лежит по обе стороны дороги» с соответствующими описаниями и комментариями.
16. *Отправлена Д. Г.* Мессершмидтом в Европу. – см.: *Кононов А. Н.* История приобретения, переводов, изданий и изучения сочинения Абу-л-Гази «Родословная тюрков» // Сов. тюркология. – Баку, 1971. – С. 3–12.
17. *Катанов Н. Ф.* Швед Филипп Иоганн Страленберг // Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии. – Т. 19. – Вып. 2. – Казань, 1903. – С. 105–128.
18. *Фишер И. Г.* Сибирская история. – СПб., 1774. – С. 419.
19. *Сазонова Л. И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. – М., 2006. – С. 607.
20. *Валеев Ф. Т.* Сибирские татары: культура и быт. – Казань, 1993. – С. 173–175; *Файзрахманов Г. Л.* История сибирских татар с древнейших времен до начала XX в. – Казань, 2002. – С. 252–256